

Содержание:

Введение

Суждение о человеке по деяниям его основано на предположении об определенном, внутреннем отношении его к совершаемым им деяниям. По различию понятия ответственности, различается и понятие вины. Самому широкому понятию ответственности – нравственной – соответствует и самое широкое понятие вины – нравственной; более узким является понятие юридической вины. Последняя, в свою очередь, может быть виною уголовною или гражданскою. Так как этика определяет обязанности человека не только к другим, но и к самому себе, и нормирует не только действия человека, но и душевные движения, то всякое отступление от нравственности даже в одних побуждениях, в одних помыслах обосновывает собою наличность нравственной вины.

В современной доктрине преступное отличают от безнравственного, хотя и нельзя точно определить границу между тем и другим. Гражданская ответственность шире уголовной; первую, поэтому, могут обуславливать такие внутренние явления, которые недостаточны для уголовной ответственности. На различии вины гражданской и уголовной часто основывали различие гражданского и уголовного правонарушения или неправды. Для наличности гражданской вины не требуется, обыкновенно, сознания противозаконности совершаемого, не требуется и предвидения и сознания последствий деяния, а достаточно сознание совершаемого и воля совершить именно то, что совершено.

В гражданско-правовых отношениях (кроме обязательства, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности) сам по себе факт нарушения должником обязательства еще не означает, что у кредитора появляется право требовать возмещения причиненных этим убытков или применения к должнику иных мер ответственности.

Необходимым основанием ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства признается наличие вины лица, допустившего нарушение обязательства в форме умысла или неосторожности. Данное положение, как уже отмечалось, в прежние годы носило характер всеобщего обязательного условия гражданско-правовой ответственности.

В контексте перехода современной России от жесткого унитарного государства к свободной рыночной экономике становится важным построение адекватной юридической системы, которая бы соответственно отражала экономическую, политическую и социальную действительность нашего времени.

Так, точное и четкое определение в гражданском праве понятия вины как условия гражданско-правовой ответственности, позволит регулировать договорные и не договорные отношения в экономическом обороте с полной реализацией гражданами своих личных имущественных и не имущественных прав.

Целью данной работы является рассмотрение вины как условия гражданско-правовой ответственности.

В связи с поставленной целью были выделены следующие задачи:

1. Рассмотреть понятие и сущность вины в гражданском праве.
2. Выделить формы и виды вины в гражданских правоотношениях.
3. Исследовать понятие и значение презюмирования вины в гражданских правоотношениях.
4. Проанализировать судебную практику по вопросам вины как условия гражданско-правовой ответственности.

Объектом данной работы является гражданско-правовая ответственность.

Предметом – вина как условие гражданско-правовой ответственности.

Глава 1. Теоретические подходы к понятию, формам и сущности вины в гражданском праве

1.1 Понятие и сущность вины в гражданском праве

В настоящее время существует значительное количество исследовательских работ, посвященных правовой ответственности. Однако несмотря на достижения в разработке ее теоретических аспектов, многие вопросы, в том числе о содержании понятия вины, продолжают оставаться дискуссионными.

В римском праве не существовало общего определения понятия вины – она характеризовалась через формы. В дореволюционном гражданском

законодательстве России также не было общей нормы о вине. Гражданское законодательство зарубежных стран в большинстве случаев не содержит такой нормы. Долгое время в советской цивилистической литературе правовая категория вины не анализировалась специально. Ее характеризовали через формы (умысел и неосторожность) и считали это достаточным для понимания сущности вины. Такой подход к определению вины О.С. Иоффе метко назвал «перечневым».

Как совершенно справедливо отмечал В.Т. Смирнов, если бы можно было ограничиться определением вины лишь через ее виды (формы), то не было бы и самой проблемы вины. Аналогичная мысль была высказана в свое время Г.К. Матвеевым, который считал, что разработанность учения о вине уголовно-правовой наукой не освобождает цивилистов от ее исследования. Несмотря на общность понятия вины в советском праве, вина в гражданском праве имеет ряд существенных специфических черт и зачастую приобретает особый смысл: «вина юридического лица», ответственность «за чужую вину», случаи «безвиновной» ответственности [11, с. 10].

Вина, как и противоправное деяние, является собирательным понятием, которое имеет общий характер и должно включать в себя единые признаки, присущие всем ее формам и видам. В Гражданском кодексе РФ, в отличие от прежних отечественных гражданских кодексов, впервые введено определение понятия вины. По мнению сторонников «объективистской» концепции вины, в этом определении нашел отражение именно объективный подход. Причем его появление расценивается как начало кардинальных изменений в направлении исследований вины в гражданском праве, «ранее сориентированных на усиленно насаждаемые в цивилистике уголовно-правовые подходы к пониманию вины». Однако эти надежды не оправдались.

Такое понимание вины на самом деле сформировалось в цивилистике под влиянием исследований уголовного права. В уголовном праве правовая ответственность наиболее ярко выступает как личная ответственность физических лиц, поэтому в центре внимания всегда находились вопросы их психического отношения к совершенному преступлению и его последствиям. В уголовно-правовой литературе главенствует представление о вине как об особом психическом явлении – психическом отношении лица, совершившего общественно опасное деяние, преследуемое уголовным законом. Хотя существует и другая, «оценочная» концепция вины, согласно которой суть вины составляет отношение общества к противоправному поведению правонарушителя и последствиям этого поведения [12, с. 312].

В любом случае сторонники «психологического» понимания вины видят ее суть в психическом отношении. Подходы к рассмотрению вины у психологов и правоведов неодинаковы. Юристы при описании данного феномена ссылаются на необходимость наличия психологических познаний для точного определения содержания вины. Однако психологам неизвестно данное понятие, оно считается чисто юридической дефиницией. Формы вины (умысел и неосторожность) также не имеют «готовых» психологических аналогов.

В цивилистике виновное психическое отношение глубоко не исследуется. Характеристика ограничивается, как правило, указанием на наличие такового при вине, без детального анализа. Конечно, это не означает, что психологические аспекты вины не исследовали в гражданско-правовой литературе, но все же акцент делался в основном на волевом компоненте вины. Особенно значительный вклад в разработку понятия воли при вине внес В.А. Ойгензихт, работы которого до сих пор считаются базовыми в цивилистике.

Вина – один из видов психического отношения к окружающей действительности. Для уяснения сущности вины необходимо иметь представление о свойствах, присущих данному психическому отношению. Оно как особое психологическое явление обладает определенными сущностными признаками:

1) наличие сознательного отношения субъекта, при котором адекватно отражается окружающая действительность и ее явления;

2) наличие осознанного отношения субъекта. Сознание понимается как общее свойство всех проявлений психики человека; обладая сознанием, субъект способен адекватно относиться к окружающей действительности. Осознание же более узко и предполагает понимание значения каких-то определенных действий.

Осознанность является общей чертой, присущей вине и ее формам. Исключение составляет неосторожность, при которой результат противоправного деяния не осознается. При неосторожности существует лишь абстрактное предвидение возможных неблагоприятных последствий. Однако неосторожность не была бы формой вины, если бы в ней не отражалось психическое отношение, но проявляемое субъектом только к своему противоправному деянию, а не к его результату;

3) выражение определенных эмоций, чувств правонарушителя, которые, как правило, имеют негативную окраску. Виновный правонарушитель при совершении противоправного деяния выражает отрицательное отношение или пренебрежение

к установленным в обществе обязательным правилам поведения (хотя не исключено и безразличное отношение). Исследователи вины выделяют такой ее признак, как отрицательное отношение правонарушителя к интересам общества, справедливо полагая, что он позволяет отграничить вину от других форм субъективного отношения к поведению и его результату. Этот дополнительный признак вины был впервые назван О.С. Иоффе и в настоящее время признан большинством цивилистов.

Для виновного психического отношения характерно сочетание интеллектуальных и волевых моментов, которое является определяющим при установлении форм вины, разграничении умысла и неосторожности. Для понимания сущности самой вины вариант сочетания значения не имеет – важно наличие самого психического отношения к противоправному деянию и его результату, в котором отражается пренебрежение или безразличие к интересам общества;

4) негативное отношение правонарушителя к интересам государства и общества проявляется в выборе противоправного варианта поведения. Многие правоведы расценивают выбор такого поведения как дефект (порок) воли правонарушителя и именно в этом видят суть вины. В частности, Г.К. Матвеев полагал, что правонарушением может считаться лишь такое противоправное действие лица, которое является результатом его порочной воли. Т.И. Илларионова также полагала, что психическое отношение при вине проявляется в отношении к избираемому варианту поведения и его последствиям и свидетельствует об определенном пороке воли. По мнению Е.В. Бутенко, выявление порочной воли в договоре само по себе достаточно для вывода о наличии вины. Он определяет вину как «выраженную вовне умышленно или неосторожно такую волю должника, которая отлична от его воли, закрепленной в договоре» [9, с. 63].

Но не только воля правонарушителя определяет вину (скорее, воля является следствием отрицательного отношения к интересам общества). Вина представляет собой сложное явление, основанное на взаимосвязи всех психических процессов, в том числе и волевых. Негативное отношение вызвано эмоциями и чувствами, которые влияют на волю, обуславливают принятие решения, противоречащего интересам общества.

Представляется, что осознанный выбор противоправного варианта поведения нельзя рассматривать как порок воли. Если у человека была объективная возможность выбирать, какое действие совершить в определенной ситуации (по образному выражению В.Н. Кудрявцева, «веер возможностей»), то дефект воли

отсутствует. При этом из имеющихся вариантов правомерного и противоправного поведения правонарушитель сознательно и осознанно выбирает второй.

В.Н. Кудрявцев справедливо отмечал, что механизмы правомерного и противоправного поступков по форме состоят из одних и тех же психологических элементов, наполненных разным социальным и идеологическим содержанием. В обоих случаях в механизмах поведения отражается внешняя среда, в которой проявляется личность человека. Конечно, поведение правонарушителя можно расценивать как неадекватное, если иметь в виду, что с точки зрения общества он действует вопреки закону. Однако нельзя не видеть, что это поведение вполне соответствует тому субъективному значению, которое лицо придает данному событию в условиях ограниченности кругозора, особенностей социальной ориентации, взглядов, интересов виновного и т.д.;

5) отношение общества к правонарушению и субъекту, его совершившему, которым выражается оценка неправомерного поведения сознательного индивида с точки зрения реально существующих в конкретный исторический период и одобряемых большинством членов общества правил.

Идея «объективистской» («поведенческой») концепции вины заключается в том, что вина должна определяться через объективные, а не субъективные признаки. По мнению сторонников этой концепции (Б.И. Путинский, М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, Е.А. Суханов), вина представляет собой непринятие мер по предотвращению неблагоприятных последствий своего поведения. Разумеется, право на существование имеет любая научная концепция вины. Но при игнорировании элементов психического отношения правонарушителя к своему противоправному поведению и его результату возникает опасность возврата к тому самому принципу объективного вменения, от которого долгие годы пытались отойти ученые, исследующие правовую ответственность. И первый шаг в этом направлении – размывание границы между противоправным поведением и виной. Вина неразрывно связана с другим обязательным условием правонарушения – противоправностью поведения. Однако эта связь не должна расцениваться как отождествление. Вина характеризует лишь внутреннее психическое отношение правонарушителя к совершенному деянию. Само противоправное деяние и его последствия – это выраженный вовне объективный результат такого отношения [17, с. 38].

Приверженцы «объективистской» теории вины считают, что в определении понятия вины (ст. 401 ГК РФ) заложен именно объективный подход. При этом они

ссылаются на абзац второй п. 1 данной статьи, где невиновность лица характеризуется как принятие всех мер, которые требовались от него по характеру обязательства и условиям оборота [2].

Такой взгляд совершенно обоснованно подвергается сомнению. В частности, отмечается, что так называемый объективный критерий содержит и элементы субъективного. Внимательность и заботливость являются психологическими категориями, свидетельствующими об определенной степени активности психических процессов человека. Они находятся в плоскости субъективной реальности и относятся к его личным критериям. О.В. Дмитриева считает, что внимательность и заботливость являются показателями определенной степени интеллектуальной и волевой активности. Кроме того, по мнению некоторых авторов, в абзаце втором п. 1 ст. 401 ГК РФ речь все же не о вине, а о невиновности. Причем о признании невиновным, что не позволяет отождествлять это положение с характеристикой самой невиновности. Признание невиновным – это лишь итоговый результат определенного исследовательского процесса.

Определение понятия вины дано в абзаце первом п. 1 ст. 401 ГК РФ, причем через ее формы (умысел и неосторожность), которые, безусловно, являются субъективными психологическими категориями (этого не отрицают и сторонники «объективистской» концепции вины). Умысел и неосторожность различаются по степени соотношения интеллектуального и волевого моментов психического отношения. Поэтому утверждение о том, что законодатель при создании ГК РФ отказался от понимания вины как психического отношения, представляется несколько категоричным и не находит подтверждения при анализе п. 1 ст. 401 ГК РФ [2].

С позиции «объективистской» концепции вины ст. 401 ГК РФ является общей нормой о вине как об условии гражданско-правовой ответственности, независимо от ее вида. Определение понятия вины, предусмотренное данной статьей, распространяется как на договорную, так и на деликтную ответственность.

Однако это не соответствует истинному положению вещей. Статья 401 расположена в главе 25 «Ответственность за нарушение обязательств» ГК РФ, в нормах которой речь идет об ответственности за нарушение уже существующего обязательства. Деликтное обязательство возникает только в момент причинения вреда, а до этого оно не существует. Причинением вреда нарушаются, как правило, абсолютные правоотношения, обязательствами не являющиеся. Поэтому применение ст. 401 ГК РФ к случаям деликтной ответственности нельзя считать

правомерным. Условия ответственности за причинение вреда указаны в другой норме – ст. 1064 ГК РФ [3], правда, в ней не дается определение понятия вины как условия деликтной ответственности, но нет и отсылки к п. 1 ст. 401 ГК РФ. В литературе высказано мнение, что, поскольку в законодательстве отсутствует определение понятия вины причинителя вреда, при привлечении его к ответственности нужно применять по аналогии п. 1 ст. 401 ГК РФ [2].

Договорная и деликтная ответственность существенно отличаются друг от друга. Различия наблюдаются в субъектном составе; условиях ответственности, в том числе ответственности без вины; основаниях освобождения от ответственности и уменьшения ее размера. Более целесообразным представляется закрепление в ГК РФ общей нормы о гражданско-правовой ответственности и ее условиях, в том числе и о вине.

Все сказанное позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, вина представляет собой сознательное и осознанное психическое отношение правонарушителя к своему противоправному поведению и его результату, проявляющееся в пренебрежении или безразличии к интересам государства и общества и, соответственно, в выборе противоправного, антисоциального варианта поведения. Помимо этого, составляющей вины выступает отношение самого общества к правонарушителю и его поведению, однако приоритет при характеристике вины отдается первому признаку. Во-вторых, в ГК РФ отсутствует институт, посвященный общим положениям о гражданско-правовой ответственности, в том числе основаниям и условиям ее возникновения, а также освобождения от ответственности. Необходимость разработки и введения такого института очевидна, а научные изыскания в данной сфере перспективны.

Как минимум одна из норм этого института должна предусматривать общее основание и условия гражданско-правовой ответственности. Предположительно она должна состоять из трех пунктов: первый должен быть посвящен основанию и условиям ответственности за вину, второй – основанию и условиям ответственности без вины. В третьем пункте могут быть предусмотрены общие основания освобождения от гражданско-правовой ответственности, а также оговорены особые правила освобождения от договорной и деликтной ответственности.

Юридическая ответственность по общему правилу наступает лишь за виновное причинение вреда. Общая теория права в представлении о вине исходит из общей формулы: «без вины нет ответственности». Весьма образное высказывание

Иеринга показывает важность значения принципа вины при возложении гражданско-правовой ответственности: «Не ущерб сам по себе обязывает к его возмещению, а вина. Для юриста это столь же элементарная истина, как и для химика является само собой разумеющимся, что горит не свет, а находящийся в воздухе кислород».

В теории права вина определяется как психическое отношение лица к своему противоправному поведению и его результатам. Для признания лица виновным необходимо осознание им того, что его поведение нарушает охраняемые законом интересы другого лица, т.е. осознание общественно вредного характера своего поведения и возможности наступления отрицательных последствий.

Подобное понимание вины полностью укладываются в представление о вине в науке уголовного права и соответствует основным началам возложения уголовной ответственности. При этом взгляд на вину как на общеотраслевую категорию разделяют большинство цивилистов. Однако именно такое субъективное понимание вины в последнее время вызывает все больше возражений среди исследователей гражданско-правовой ответственности.

Критические точки зрения на понимание вины с позиции теории права (и, в частности, уголовного права) не в последнюю очередь связаны с представлением о том, что юридическое лицо, которое также является субъектом ответственности за причинение вреда, не может проявлять психического отношения к своему поведению и к его последствиям. В частности, Ю.Б. Фогельсон отмечает, что воля и вина как психические проявления относятся к внутреннему миру участников оборота, а внутренний мир организации в праве не рассматривается.

В то же время сторонники субъективного понимания вины отмечают, что психическое отношение лица к своему противоправному поведению в равной мере применимо как к гражданам, так и к юридическим лицам. «Вина последних иначе и не может проявиться, как только через виновное поведение работников соответствующей организации при исполнении ими своих трудовых (служебных) обязанностей...». Это объясняется тем, что действие организации всегда проявляется в действии его работников.

Аналогичная ответственность предусматривалась еще в римском праве, однако там она выражалась в ответственности хозяина и трактовалась как вина в подборе персонала (*culpa in eligendo*). Так, например, хозяин корабля, гостиницы или постоялого двора нес ответственность в случае, если кто-либо из его служащих

совершал воровство или наносил имущественный ущерб пассажиру или постояльцу.

Подобный случай ответственности отмечал и Г.Ф. Шершеневич. Существовавший на тот момент закон исходил из того, что «господа и верители отвечают за вред и убытки, причиненные их слугами и поверенными при исполнении их поручений, сообразно с приказанием или полномочием». В данном случае Г.Ф. Шершеневич указывает на то, что «ответственность господина за правонарушительное действие слуги, совершенное согласно данному приказанию, основывается на вине самого хозяина. Например, хозяин приказывает своему кучеру быстро ехать по многолюдной улице, и в результате оказывается раздавленным человек. В основании такой ответственности за помощников может быть также положено предположение недостаточного внимания при выборе сотрудников».

Подобный взгляд, что вина юридического лица выражается в невнимательном выборе работника, разделял М.М. Агарков. Однако, очевидно, если рассмотреть ситуацию от противного, то можно сделать вывод о том, что, если при найме работника юридическое лицо проявило должную внимательность, но его действия тем не менее привели к возникновению вреда, юридическое лицо должно быть освобождено от ответственности. По мнению Е.А. Суханова, несостоятельность подобного положения очевидна.

Одна из наиболее распространенных точек зрения относительно сущности юридического лица была высказана в свое время Савиньи. Согласно этой точке зрения юридическое лицо представляет собой правовую «фикцию»: законодатель в практических целях признает за юридическими лицами свойства человеческой личности, олицетворяет их и, такими образом, создает вымышленного субъекта права, существующего лишь в качестве абстрактного понятия. Фактически юридическое лицо – это коллективный субъект, состоящий из отдельных личностей, в деятельности которых проявляется деятельность юридического лица. Именно такое понимание юридического лица позволяет сторонникам субъективного понимания вины делать вывод о том, что психическое отношение юридического лица проявляется в психическом отношении к противоправному действию отдельного работника [7, с. 14].

Рассмотренные точки зрения высказывались авторами в попытке обосновать вину юридического лица в том виде, в котором вина понимается в уголовном праве. Неопределенности в понимании сущности вины в гражданском праве в немалой степени способствует отсутствие в законодательстве легального определения

вины, которая должна учитываться при возложении деликтной ответственности. В.М. Болдинов, в частности, отмечает, что обращение советских цивилистов при определении понятия вины к дефинициям уголовного закона было закономерно вызвано тем, что законодатель последовательно отказывался дать легальное определение вины и указать признаки форм виновности в гражданском праве.

Однако принципиальное отличие целей и функций гражданско-правовой и уголовной ответственности привносит определенные особенности в понимание вины в гражданском праве. Для возложения уголовной ответственности в первую очередь необходимо определение степени общественной опасности преступника, и для этого, безусловно, необходимо уяснение, каково же его психическое отношение к совершенному преступлению и его последствиям. В то же время гражданскую ответственность относят к праввосстановительной ответственности, целью которой в первую очередь является не наказание и перевоспитание правонарушителя, а восстановление незаконно нарушенного права. Таким образом, при применении мер гражданско-правовой ответственности в первую очередь должен интересоваться сам причиненный вред и также то, принял ли правонарушитель объективно возможные меры, чтобы не допустить причинение вреда, а не каково было его субъективное, психическое отношение к своему поведению.

Сделанный вывод может быть подкреплён нормой действующего гражданского законодательства. Современный Гражданский кодекс РФ в отличие от предыдущих даёт возможность сформулировать понятие вины, отталкиваясь от понятия невиновности, которое может быть применимо как к договорной, так и к внедоговорной ответственности. Так, согласно абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ [2] лицо признаётся невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства.

Безусловно, данная норма не безупречна и представляет собой, скорее, не понятие вины в гражданском праве, а определенные критерии, которыми можно пользоваться в теории при определении понятия вины (в данном случае – через определение понятия невиновности). Таким образом, основываясь на абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ, под виной в гражданском праве следует понимать непринятие правонарушителем мер для надлежащего исполнения обязательства, которые были необходимы при той степени заботливости и осмотрительности, которые требовались от лица по характеру обязательства и условиям гражданского оборота.

Подобное определение вины лишено какой-либо субъективности. Как справедливо отмечает Ю.Б. Фогельсон, конструкция вины в ст. 401 ГК РФ состоит из двух составляющих:

а) принятие должных мер, что, несомненно, относится к вполне объективным внешним проявлениям деятельности участника оборота;

б) проявление должной степени заботливости и осмотрительности при определении того, какие меры должны быть приняты. Проявлены они должны быть таким образом, чтобы можно было провести сопоставление с характером обязанности и условиями оборота. При этом «недостаточно проявить заботливость и осмотрительность лишь внутри участника оборота. Необходимо, чтобы это было проявлено вовне в форме поведения, т.е. в виде действия или бездействия». Следовательно, данный признак вины также вполне объективен.

Таким образом, не целесообразно отрицать в целом основной подход к пониманию вины, выработанной общей теорией права, так как, безусловно, при совершении неправомерных действий отдельные граждане, работники юридического лица или должностные лица госорганов осознают значение своих поступков, и соответственно их действия могут быть квалифицированы как умышленные или неосторожные. Тем не менее представляется, что при рассмотрении понятия вины в гражданском праве несколько по-иному должны быть расставлены акценты.

1.2 Формы и виды вины в гражданских правоотношениях

Те условия, которые необходимы для привлечения к гражданско - правовой ответственности, образуют состав гражданского правонарушения. Ими являются противоправное поведение и вина правонарушителя, а в отдельных случаях (например, при возмещении убытков) связь между противоправным поведением правонарушителя и наступившими последствиями для потерпевшего. И если объективная сторона здесь понятна, то субъективная в законодательстве раскрыта не полно, что вызывает или может вызвать определенные трудности и (или) негативные правовые последствия для сторон в судебном споре. В п. 1 ст. 401 ГК РФ говорится: «Лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены

иные основания ответственности». Указывая на форму вины, ГК в то же время не раскрывает ни ее содержание, ни виды [2].

В практике применения норм уголовного права решение вопроса о форме и виде вины, как правило, не вызывает сложностей. Целесообразно использовать эти наработки в гражданских правоотношениях с учетом их специфики. Так, ч. 2 ст. 25 УК РФ гласит [6]: «Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления». Применительно к гражданским правоотношениям это положение могло бы выглядеть так: «Проступок признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало антиобщественность своего деяния (действия или бездействия) и желало его наступления или предвидело возможность или неизбежность наступления антиобщественных последствий и желало их наступления». При нынешней экономической нестабильности иллюстрацией может служить следующий пример. Должник, заведомо зная, что кредитор вот-вот обанкротится, отдавать положенные долги не спешит, хотя имеет такую возможность, рассчитывая, что в общей сумятице дел его долг «канет в Лету». Конечно, проступки с прямым умыслом в гражданских правоотношениях могут встречаться гораздо реже, чем с косвенным. Согласно закону определение проступка, совершенного с косвенным умыслом, будет иметь следующее содержание: «Проступок признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало антиобщественность своего деяния (действия или бездействия), предвидело возможность наступления антиобщественных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично». Данный вид умысла наиболее часто встречается в гражданских правоотношениях, вытекающих из договорных начал или закона. Скажем, подрядчик в целях экономии стройматериала построил заказчику гараж с недоложением цемента в раствор, использованный в кирпичной кладке. В результате через короткое время одна стена обвалилась.

О проступках, совершенных по неосторожности (грубая небрежность или простая неосмотрительность) и чаще всего имеющих место в деликтных правоотношениях, необходимо также иметь четкое представление. Такие проступки, говоря языком уголовного права, имеют материальный состав, т.е. влекут за собой определенные последствия – причинение материального ущерба и (или) морального вреда. Поэтому и конструкция определения вины при неосторожности будет иметь иной вид, чем при умысле. Например, так: «Под грубой небрежностью понимается

проступок, когда лицо предвидело возможность наступления антиобщественных последствий своего деяния (действия или бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий». Скажем, не выбрав безопасную дистанцию, водитель сзади идущего автомобиля совершил наезд на идущий впереди автомобиль, которому пришлось резко затормозить из-за внезапно появившегося велосипедиста, в результате чего здоровью водителя впереди идущего автомобиля нанесен вред, а также причинены механические повреждения автомобилю [18, с. 87].

Под простой неосторожностью (неосмотрительностью) понимается проступок, когда лицо не предвидело возможности наступления антиобщественных последствий своего деяния (действия или бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно и могло предвидеть эти последствия.

Это, к примеру, может иметь место при причинении вреда в состоянии крайней необходимости (ч. 1 ст. 1067 ГК). Если раскрывать содержание формы вины, то редакция ч. 2 ст. 401 ГК имела бы, на мой взгляд, иное определение: «Деяние (действие, бездействие) лица признается невиновным, если лицо, совершившее проступок, не могло осознавать антиобщественную опасность своего действия (бездействия), не предвидело возможности наступления антиобщественных последствий и по обстоятельствам дела не должно или не могло их предвидеть» [2].

Заимствование гражданским правом понятий из уголовного права представляется рациональным и полезным по следующим соображениям.

Во-первых, исходя из теории права, никакое правоотношение не может возникнуть без юридических фактов, т.е. без условий, при которых возникают, изменяются или прекращаются правоотношения. Юридический факт, в свою очередь, существует в виде события или действия. Действия бывают правомерными и неправомерными. Неправомерные охватываются общим понятием «правонарушение», которое в широком смысле является антиобщественным деянием (действием или бездействием), причиняющим вред обществу и караемым по закону.

Таким образом, правонарушение является родовым понятием как преступления, так и проступка, и первое отличается от второго лишь более высокой степенью и тяжестью характера общественной опасности. И если диспозиция нормы уголовного закона запрещает совершать определенные ею действия под страхом

наказания, то диспозиции норм гражданского закона позволяют вступать в любые предусмотренные ими правоотношения и при этом обязывают соблюдать принятые на себя обязательства, за невыполнение которых наступает принудительное их исполнение или ответственность при наличии вины, а в отдельных случаях – и без вины.

Во-вторых, исходя из сказанного, вину как субъективную сторону деяния (будь то в уголовных, гражданских, административных и других правоотношениях) всегда характеризуют интеллектуальный и волевой моменты, из сочетания которых определяется ее форма и вид.

Глава 2. Презюмирование вины и судебная практика применения вины

2.1 Понятие и значение презюмирования вины в гражданском праве

Термин «презюпция вины» привычен для цивилистической доктрины и практики. Существует множество определений понятия «презюпция» в юридической науке, анализ которых позволяет заключить, что в большинстве своем они отмечают такой признак презюпции, как «вероятное предположение», и содержат указание на правовое закрепление. Иначе говоря, родовым признаком правовой презюпции является категория «предположение, закрепленное в законе».

Необходимо, однако, отметить, что в последних разработках теории правовых презюпций ставится под сомнение наделение юридических презюпций таким родовым признаком, как предположение. В частности, утверждается, что «определение презюпции через ключевое слово «предположение» не может быть принято для отражения правовой сущности презюпций. Не меняется принципиально суть дела и в тех случаях, когда ведут речь о правовой презюпции как предположении, закрепленном в норме права. Правовая оформленность явления не снимает вопроса о его правовой природе... Поиск правовой сущности презюпции должен заключаться в оценке не самого предположения как такового, а результата предположения, той юридической конструкции, которая призвана решать конкретные правовые задачи» [9, с. 68].

Для решения этой важной задачи необходимо использовать категорию «презюмирование». Процесс презюмирования представляется шире, чем презумпция: он начинается с правотворчества в виде закрепления предположения о вине, в результате чего возникает презумптивная норма (презумпция) и заканчивается реализацией этого предположения в правоприменительной работе.

Не вызывает сомнений необходимость дальнейшей работы по теоретическому осмыслению термина «презумпция» в рамках как теоретико-правовой, так и цивилистической наук. Однако современный уровень знаний в данной области позволяет по-прежнему при определении презумпции использовать признак предположения. В научной и учебной литературе именно он чаще всего и используется при определении презумпции, в силу того что именно в таком подходе выражено современное представление об этом явлении, как справедливо отмечается в науке теории права [3].

Помимо этого, данный признак свидетельствует о гносеологической природе отмечаемого явления, вне зависимости от того, что станет следствием (результатом) такого предположения.

Дифференциация презумпций после определения родового признака данной категории в праве базируется на том, какой признак исследователями мыслится как видовой.

В большинстве случаев при дефиниции юридической презумпции указывается вероятное наличие или отсутствие юридических фактов. Известный исследователь правовых предположений Д.И. Мейер писал: «Предположение вообще есть вероятное заключение о неизвестном факте, выведенное из общеизвестного или доказанного факта путем опыта» [19, с. 44]. В.К. Бабаев при определении презумпции также отмечает данный признак: «Презумпция – это закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом» [2, с. 14]. Эта установка актуальна и сегодня: «Под гражданско-правовой презумпцией следует понимать закрепленное в гражданско-правовой норме или в условии договора правило, содержащее предположение о характеризующем субъект гражданского правоотношения или объект гражданских прав, или юридический факт признаке, который может быть опровергнут» [7, с. 9].

Н.Ф. Качур отметила, что презумпция – это не только закрепленное в нормах права предположение, выступающее в качестве предпосылки установления (неустановления) одного юридического факта при наличии других, но и в отдельных случаях – заменяющее юридический факт, влекущий за собой определенные материально-правовые последствия [15, с. 6]. Поскольку любое обстоятельство, порождающее юридическое последствие, в том числе признаки субъекта или объекта, может рассматриваться как юридический факт, презумпции, независимо от того, являются ли они предпосылками юридических фактов или юридическими конструкциями, их заменяющими, имеют своим предметом именно юридический факт. При этом презумпции всегда содержат два юридических факта: факт-основание, присутствующий в гипотезе нормы, и факт-предположение, заключенный в диспозиции нормы. Если установлен факт-основание (правонарушение), считается установленным и факт-предположение (вина правонарушителя). Факт-основание – это юридический факт, ибо влечет необходимость признать факт-предположение. Оба эти факта образуют юридический состав или его часть, предполагающий наступление юридического последствия нарушения правовой нормы в виде привлечения к гражданско-правовой ответственности.

Однако такие представления о презумпции в целом не выходят за границы презумптивной нормы. Процесс презюмирования охватывает и функции, которые выполняет правовое предположение. Прежде всего внимание обращается на то, что презумпции выполняют доказательственную функцию. Так, В.И. Каминская считала презумпцию положением, «которым какой-либо порядок явлений в области отношений, возникающих из человеческого поведения, признается обычным, постоянным, нормативным и не требующим, в силу этого, специальных доказательств» [13, с. 3]. В.П. Воложанин юридическое предположение понимал как предположение, освобождающее сторону от доказывания какого-либо факта при доказанности других фактов, поскольку между ними (т.е. фактом, освобожденным от доказывания, и фактами, уже доказанными) существует причинная связь, проверенная и подтвержденная прошедшим опытом, практикой [11, с. 5]. Наличие у презумпций доказательственной функции содержится и в дефинициях, содержащихся в исследованиях последних лет: «Правовая презумпция – это закрепленный в норме права вероятностный вывод о факте, который принимается судом без процедуры доказывания, в случае установления связанного с ним факта (факта-основания) и неопровержения путем доказывания иного факта» [16, с. 5].

Презумпции выполняют и такие функции, как признание и защита интереса: «Например, презумпция права собственности владельца движимой вещи ориентирована на признание интереса лица, владеющего вещью. Указанная презумпция призвана выполнять и соответствующую функцию. Презумпция добросовестности лица в первую очередь ориентирована на беспрепятственную реализацию его интереса, а презумпция вины в деликтных правоотношениях – на обеспечение интереса потерпевшего (одновременно создавая предпосылки для его эффективной защиты)» [10, с. 36]. Как видим, каждая конкретная презумпция обладает одной из функций, которая является для нее доминирующей.

Презюмирование вины не только обеспечивает интересы потерпевшего, но и распределяет бремя доказывания вины, значительно упрощает гражданский процесс по делам о привлечении к гражданско-правовой ответственности.

Презюмирование вины является существенной чертой именно гражданского права, отличающей его от публично-правовых отраслей права. Презумпцию невиновности нередко называют принципом уголовного права, поскольку она отражает фундаментальные руководящие начала всего уголовно-правового регулирования [16, 26].

Более того, имеется и нормативный термин «принцип презумпции вины». Так, в ч. 3 ст. 340 УПК РФ установлено, что председательствующий суда при удалении присяжных для вынесения вердикта в своем напутственном слове должен разъяснить присяжным сущность принципа презумпции невиновности [8].

Конституционный Суд толкует ст. 49 Конституции Российской Федерации как содержащую именно принцип презумпции невиновности [20].

О презумпции вины как о принципе права упоминают в научных исследованиях. Так, А.А. Андреев [7] пишет, что «в гражданском праве действует принцип презумпции виновности, суть которого состоит в том, что бремя доказывания отсутствия своей вины, когда ее наличие является необходимым основанием ответственности, возлагается на лицо, допустившее правонарушение» [1, с. 15]. Э.П. Гаврилов прямо указывает на то, что именно в ст. 401 ГК РФ содержится гражданско-правовой принцип презумпции вины: «Большое значение имеет и норма п. 2 ст. 401 ГК РФ: «Отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство». В этой норме выражен еще один важнейший принцип гражданского права – принцип «презумпции виновности» [12].

И судебнo-арбитражная практика использует термин «принцип презумпции вины». Так суд, рассматривая спор о взыскании в порядке суброгации ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, отметил следующее: «Довод ответчика о недоказанности вины его страхователя (водителя автомобиля ВАЗ) в ДТП, поскольку в возбуждении дела об административном правонарушении было отказано в связи с отсутствием состава административного правонарушения, отклоняется, как основанный на ошибочном толковании норм материального (гражданского права), так как факт отсутствия состава административного правонарушения (при наличии в административном праве презумпции невиновности) не означает отсутствия состава гражданского правонарушения (при действующем в гражданском законодательстве принципе презумпции виновности)» [21].

Презюмирование вины может быть признано принципом гражданского права, система которых в настоящий момент нуждается в некотором обновлении [18]. Предположение о вине отличает гражданско-правовое регулирование отношений еще со времен римского права.

При определении презумпции зачастую говорится также и о механизме ее реализации – необходимости суда признать презюмированный факт установленным, если не будет доказано обратное. Презумпция – это юридическая обязанность признать презюмируемый факт установленным – считает Н.Н. Цуканов [20, с. 50]. Б.А. Булаевский дает развернутое определение презумпции, детализируя указанный признак: «Презумпция есть закрепленная в правовой норме, основанная на предположении модель юридически значимого явления (юридического факта, правоотношения и др.), применяемая в регулировании общественных отношений при наличии определенных правовой нормой условий, за исключением случаев, когда будут доказаны обстоятельства, указывающие на невозможность использовать такую модель» [8, с. 23].

Как видим, сама презумпция не может охватить процесс ее реализации, поскольку презумпция – это только вероятностное предположение, при правовом закреплении – это норма-презумпция. Именно механизм реализации презумпций, в том числе обязанность правоприменителя признать предполагаемый факт установленным, отличает правовые предположения от иных предположений.

Однако презумпция вины и механизм реализации презумпции вины не тождественные правовые явления, они охватываются термином «презюмирование вины».

Кроме того, презумпции в науке рассматриваются с различных позиций: и как способ правового регулирования, и как норма права, и как прием законодательной техники, и как правовой метод, и как метод юридического толкования [3]. К тому же разные исследователи отстаивают порой прямо противоположные точки зрения: так, часть ученых считает, что презумпция – это правовая норма [17, с. 47 – 48], другие категорически отрицают данное утверждение [14, с. 5 – 6]; одни настаивают на том, что презумпцию надо воспринимать как особое гражданско-правовое средство [20, с. 90 – 93], другие утверждают обратное [4, с. 65 – 66; 6, с. 53; 5, с. 56 – 59]. Презумпция вины может рассматриваться и с позиций теории гражданско-правовых ограничений [21], поскольку накладывает известные ограничения на правонарушителя, связанные с необходимостью опровержения своей вины.

Все это также не характеристики самого предположения, а проявления механизма презюмирования.

Презюмирование вины – это процесс закрепления предположения о вине в правовой норме, это сама (статичная) норма-презумпция; это процесс реализации предположения о вине, в том числе обязанность суда признать предполагаемый факт установленным.

При этом норма – презумпция вины является закрепленным в правовой норме высоковероятностным предположением, основанным на повторяемости виновности лица в гражданских правонарушениях.

В.К. Бабаев отмечал, что презумпции могут заменять или представлять собою юридические факты [9, с. 72]. Можно согласиться только с первой частью данного утверждения: презумпции способны лишь заменять юридические факты, но не становиться ими. Презюмирование вины – это юридическая конструкция, которая не превращается в явление объективной действительности, которым является юридический факт. Реализация нормы – презумпции вины связана с юридическими фактами – правонарушением и виной: факт-основание – это совершенное гражданское правонарушение, факт-предположение – вина правонарушителя. Презюмирование вины заменяет вину в составе гражданского правонарушения.

Представляется целесообразным и эффективным презюмирование вины гражданско-правового нарушителя, если исходить из принципов, целей и методов отраслевого регулирования. Данная презумпция естественно вписывается в рамки гражданского процесса, не имеющего стадии расследования. Презюмирование

вины правонарушителя не только обусловлено задачами и сущностью гражданского процесса, но и существенно снижает процессуальные и временные затраты на рассмотрение гражданского дела. В силу отмеченных обстоятельств возникает необходимость включения презумпции вины в действующий нормативно-правовой материал и возникает норма-презумпция.

Гражданско-правовая норма, которая содержит предположение о вине, не превращается от этого в презумпцию вины – она может быть квалифицирована как норма – презумпция (презюптивная норма) вины. Норма – презумпция вины – результат законодательного презюмирования вины. Далее процесс презюмирования связан с правореализацией предположения о вине.

Презумпцию вины, наряду с иными правовыми презумпциями, рассматривают с различных позиций: как норму права, как предположение, как метод регулирования, как средство регулирования, как юридический факт, как средство толкования, как обязанность правоприменителя и проч. При таком наличии разнопорядковых аспектов теряется истинная, самостоятельная сущность и ценность презумпции вины как высоковероятностного предположения, закрепленного в норме права. Поэтому следует различать категории «презумпция» и «презюмирование». При привлечении к гражданско-правовой ответственности, безусловно, реализуется норма – презумпция вины, но она не тождественна этому процессу. С учетом значимости и важности презюмирования вины для гражданско-правового регулирования может быть поставлен вопрос о признании его принципом гражданского права.

2.2 Судебная практика по вопросам вины как условия гражданско-правовой ответственности

Как известно, вина является одним из необходимых условий для привлечения должника к гражданско-правовой ответственности, за исключением случаев безвиновной ответственности, предусмотренных, например, п. 3 ст. 401, ст. ст. 1070, 1079, 1095 ГК РФ и др [3].

В соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства. При этом в силу п. 2 ст. 401 ГК РФ

отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство. Аналогичное правило установлено и нормами о деликтных обязательствах. Так, согласно п. 2 ст. 1064 ГК РФ лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине.

Указанные правила свидетельствуют о том, что гражданско-правовая ответственность основывается на презюмировании виновности неисправных должников или делинквентов. Как справедливо в связи с этим отмечал профессор Л.А. Лунц, «если исполнение не последовало, то всегда действует презумпция (законное предположение), что налицо вина должника». Таким образом, законодатель исходит из правового предположения, что всякое неисполнение обязательства, всякое причинение вреда обусловлено виновными действиями правонарушителя, пока не доказано обратное.

Помимо общих норм презумпция вины находит свое выражение и в ряде специальных. Так, согласно ст. 796 ГК РФ [3] перевозчик несет ответственность за несохранность груза или багажа, происшедшую после принятия его к перевозке и до выдачи грузополучателю, управомоченному им лицу или лицу, управомоченному на получение багажа, если не докажет, что утрата, недостача или повреждение (порча) груза или багажа произошли вследствие обстоятельств, которые перевозчик не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело. К которым, например, ст. 95 УЖТ РФ относит, в частности: причины, зависящие от грузоотправителя или грузополучателя; особые естественные свойства перевозимых грузов; недостатки тары или упаковки, которые не могли быть замечены при наружном осмотре груза для перевозки; сдача для перевозки груза, влажность которого превышает установленную норму, и т.д.

В связи с этим представляет интерес следующее дело. Между ЗАО «Автокомбинат N 3» (перевозчиком) и ООО «Лара-Трейд» (заказчиком) был заключен договор на перевозку груза автомобильным транспортом. На основании договора заказчиком была подана заявка на перевозку принадлежащего ему груза, и перевозчик принял его к перевозке.

В процессе перевозки груз был утрачен в результате хищения. Указанное обстоятельство послужило основанием для предъявления заказчиком иска в арбитражный суд. Отказ в удовлетворении иска суды первой и апелляционной инстанций мотивировали тем, что причиной утраты принадлежащего истцу груза явилось разбойное нападение на водителя автомобиля, и это обстоятельство ответчик предвидеть не мог.

Принимая решение о возложении обязанности по возмещению стоимости утраченного груза, суд кассационной инстанции пришел к выводу, что перевозчик не обеспечил сохранность переданного для перевозки груза и не доказал, что им были предприняты все меры для его сохранения. В заключенном сторонами договоре на перевозку грузов автомобильным транспортом события, в результате наступления которых утрачен груз, не указаны в качестве основания для освобождения перевозчика от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств.

Судебными инстанциями было установлено, что между сторонами возникли отношения по перевозке груза автомобильным транспортом и основной деятельностью ответчика является перевозка грузов. Условия перевозки грузов отдельными видами транспорта, а также ответственность сторон определяются соглашением сторон, если ГК РФ, транспортными уставами, кодексами и иными законами и издаваемыми в соответствии с ними правовыми актами не установлено иное (п. 2 ст. 784 ГК РФ). Согласно п. 1 ст. 796 ГК РФ перевозчик несет ответственность за несохранность груза, происшедшую после принятия его к перевозке и до выдачи грузополучателю, управомоченному им лицу, если не докажет, что утрата, недостача или повреждение (порча) груза произошли вследствие обстоятельств, которые перевозчик не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело.

Как посчитал Президиум ВАС РФ, исходя из смысла указанных норм, для освобождения от ответственности перевозчик должен доказать, что он проявил ту степень заботливости и осмотрительности, которая от него требовалась в целях надлежащего исполнения своих обязательств, и с его стороны к этому были предприняты все необходимые меры.

Ответчик, являясь профессиональным перевозчиком, не мог не предполагать того обстоятельства, что при транспортировке дорогостоящего груза возможно его хищение. Таким образом, хищение груза в данном случае не может рассматриваться как обстоятельство, избежать которого перевозчик не мог и последствия которого не могли быть им предотвращены, например путем страхования ответственности.

Как видно из анализа данного дела, Президиум ВАС РФ при вынесении своего постановления предельно четко исходил из презюмирования вины перевозчика, т.е. если перевозчиком не были представлены доказательства о принятии всех возможных мер по недопущению хищения груза, следовательно, он является

виновным в неисполнении договорного обязательства. Получается, что, исходя из позиции Президиума ВАС РФ, разбойное нападение находилось в сфере контроля и предвидения перевозчика, поэтому оно не может рассматриваться как случайное обстоятельство (казус), освобождающее его от гражданско-правовой ответственности.

Представляется, что избранный Президиумом ВАС РФ подход является не вполне обоснованным, поскольку из него следует, что каждый автоперевозчик обязан обеспечить вооруженное сопровождение груза. Однако законодательством не предписано перевозчику обеспечить вооруженную охрану груза, условие об этом отсутствовало и в договоре.

Необходимо отметить, что судебные инстанции должны были оценивать поведение перевозчика исходя из требований разумности, добросовестности и справедливости, учитывая положение ст. 309 ГК РФ, согласно которой обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями делового оборота или иными обычно предъявляемыми требованиями.

То есть нужно было установить, принимались ли вообще меры по обеспечению безопасности груза, были ли они разумными и достаточными при обычных условиях перевозки. Если перевозчиком вообще не принимались меры по охране, то тогда действительно речь идет о его вине. Если же перевозчик предпринял все обычные, разумные при таких условиях меры по обеспечению сохранности груза, которые при обычных условиях перевозки являются достаточными для обеспечения безопасности груза, то вина отсутствует. В анализируемом деле Президиум ВАС РФ изменил правило ст. 796 ГК РФ, поскольку, по сути, сменил режим ответственности перевозчика с виновной на безвиновную (п. 3 ст. 401 ГК РФ) [2].

Исходя из целей настоящей работы, необходимо определиться с понятием презумпции как правовой категории. Так, по мнению В.К. Бабаева, «презумпции – это закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами, наличными и подтвержденными предшествующим опытом». Напротив, Н.Н. Цуканов определяет презумпцию как «особый прием регулирования общественных отношений, заключающийся в обязанности признать презюмируемый факт установленным».

В связи с этим представляется верным подход, избранный О.А. Кузнецовой, считающей, что права как те исследователи, которые определяют презумпцию как закрепленное в нормах права предположение, так и те, которые определяют презумпцию как обязанность признать определенный факт установленным. «При этом здесь не усматривается никакого противоречия, поскольку хорошо известно, что, чем сложнее явление, тем большего числа определений требуется для его глубокого познания. В данном случае следует говорить о статичном и динамичном определении презумпции... Определяя презумпцию как предположение, закрепленное в нормах права, говорится о статике этого явления, фиксируется внимание на его потенциальных правовых возможностях, однако не отражается динамика реализации презумпций... Обязанность признать презюмируемый факт установленным является отражением действия презумпции, ее динамическим определением».

Применительно к презумпции вины это означает, что в случае неисполнения обязательства предполагается, что действия неисправного контрагента носили виновный характер, если правонарушителем не доказано обратное. При этом кредитор не обязан представлять доказательства виновности должника, вина которого презюмируется.

Как правило, судебные инстанции надлежащим образом применяют нормы ГК РФ, закрепляющие презумпцию вины неисправного контрагента (делинквента). Так, например, в Постановлении ФАС Поволжского округа содержится вывод, что иск о взыскании убытков, причиненных ненадлежащим хранением, удовлетворен, так как ответчик не доказал отсутствие своей вины в причинении убытков истцу. Следовательно, у истца на основании ст. 891 ГК РФ «Обязанность хранителя обеспечить сохранность вещи» возникло право на компенсацию понесенных им убытков за счет ответчика.

В связи с этим представляется верной позиция О.А. Кузнецовой, отмечающей, что «юридико-техническое значение презумпций состоит в том, что, во-первых, презумпция освобождает участников судебного процесса от доказывания определенных фактов, которые закон признает за существующие, исходя из определенной степени их вероятности... Во-вторых, презумпция распределяет бремя доказывания, указывая на то, кто и каким образом может опровергнуть презюмируемый факт». То есть «цель презумпции – облегчать сторонам задачу по представлению доказательств, относящихся к делу... Практически презумпция означает, кто проиграет, если не представит доказательства».

Однако зачастую судебные органы, вынося свои решения, не принимают во внимание положения гражданского законодательства, закрепляющие презумпцию вины. Так, без учета п. 2 ст. 401 ГК РФ ФАС Центрального округа пришел к выводу, что в иске о взыскании убытков, причиненных ненадлежащим хранением, необходимо отказать, так как отсутствовали правовые основания для удовлетворения исковых требований, поскольку надлежащих доказательств наличия убытков, причинно-следственной связи между возникшими убытками и неправомерными действиями ответчика, а также его вины в причинении ущерба истцом не представлены.

Встречаются примеры игнорирования судебными инстанциями и положения п. 2 ст. 1064 ГК РФ. Так, ФАС Волго-Вятского округа по одному из дел посчитал, что для удовлетворения требования о взыскании ущерба необходимо доказать наличие состава правонарушения: наступление вреда, наличие противоправного поведения и вины причинителя вреда, а также причинно-следственную связь. В случае отсутствия доказательств хотя бы по одному элементу состава правонарушения наступление деликтной ответственности исключается.

По другому делу истец обратился в суд с иском к ответчику о возмещении ущерба, причиненного возгоранием щитов управления дизель-генератора. Вынесенным решением в иске было отказано. Постановлениями апелляционной и кассационной инстанций решение было оставлено без изменений.

Как следовало из материалов дела, в помещении дизель-генераторной установки произошло возгорание щитов управления дизель-генератора, в результате чего полностью выгорели три шкафа и частично выгорели кабельные системы. Ущерб, причиненный пожаром, составил 107912 руб.

Исследовав материалы дела, судебные инстанции пришли к выводу об отсутствии оснований для взыскания с ответчика суммы ущерба, так как в силу ст. 1064 ГК РФ лицо отвечает за причиненный вред при наличии вины. Вместе с тем материалами дела вина изготовителя шкафов не была доказана. Акты, на которые ссылается истец, получили соответствующую оценку со стороны суда, сделавшего вывод об отсутствии надлежащих доказательств вины ответчика [3].

Вышеперечисленные примеры из судебной практики свидетельствуют, что суды зачастую непоследовательны в применении положений действующего законодательства, закрепляющих презумпцию вины, необоснованно требуя представления истцами доказательств вины правонарушителей, полагая, что

наличие вины не предполагается, а доказывается.

Однако это неверно. Истец (кредитор) должен доказывать лишь наличие и размер понесенного ущерба и причинно-следственную связь между действиями правонарушителя и наступившими последствиями у кредитора (потерпевшего).

Представлять доказательства вины правонарушителя кредитор должен лишь в случаях, прямо предусмотренных гражданским законодательством, когда презумпция вины должника не действует, а напротив, закреплена презумпция невиновности, например в п. 2 ст. 178, ст. 639, ст. 697, п. 2 ст. 1070 ГК РФ, ст. 118 УЖТ РФ и др.

Таким образом, общим правилом гражданско-правовой ответственности является презумпция виновности, в то время как презумпция невиновности может иметь место в случаях, предусмотренных действующим законодательством.

Заключение

В гражданском праве неприменим уголовно-правовой подход к определению вины, как к исключительно субъективному осознанию деяния или как к психическому отношению лица к содеянному, потому что:

- субъектами гражданского права, кроме граждан, являются и юридические лица, о наличии психического отношения которых к чему-либо говорить весьма проблематично;
- в гражданском праве в подавляющем большинстве случаев не имеют значения различные формы вины (прямой умысел, косвенный умысел, самонадеянность, небрежность). Чаще всего требуется лишь наличие вины как таковой. В очень редких случаях требуется установление наличия умысла или неосторожности в грубой форме.

Вот почему в гражданском праве дается объективированное определение вины. Для ее установления выясняют, принял ли виновный все меры для надлежащего исполнения обязательств. Соответственно вина будет присутствовать в действиях того лица, которое приняло не все возможные меры.

В гражданско-правовых отношениях действует презумпция вины нарушителя. Это означает, что потерпевший не обязан доказывать вину нарушителя как условие ответственности, так как она и так предполагается законом. Напротив,

нарушитель обязан доказать, что вред возник не по его вине. Если он не сможет этого сделать, неизбежно наступит его ответственность перед потерпевшим.

Существуют следующие отклонения от принципа виновной ответственности:

- законом предусмотрены случаи ответственности за чужую вину (например, ответственность юридического лица за вред, причиненный по вине его работника; ответственность родителей за вред, причиненный несовершеннолетним, ответственность поручителя и т.п.);

- иногда для наступления гражданской ответственности вообще не требуется установление вины. Так, вред, причиненный источником повышенной опасности (транспортное средство, электроэнергия высокого напряжения, сильнодействующие яды, строительная деятельность и т.п.), подлежит возмещению, если владелец источника повышенной опасности не докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Только непреодолимая сила является основанием для освобождения от ответственности профессионального предпринимателя (непреодолимой силой признаются чрезвычайные и непредотвратимые при данных условиях обстоятельства);

- в некоторых случаях законом предусматривается абсолютная ответственность, т.е. независимо от действия непреодолимой силы (форс-мажорных обстоятельств). Так, воздушный перевозчик несет ответственность за все случаи причинения вреда.

Список использованной литературы

Нормативно-правовые акты

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 03.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.10.2015)
3. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 06.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2015)

4. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 06.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2015)
5. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.07.2015)

Литература

1. Андреев А.А. Основания освобождения от эвентуальной ответственности // Гражданское право. 2010. N 1. С. 14 – 16.
2. Булаевский Б.А. «Восстановление» опровергнутой презумпции // Адвокат. 2010. N 10. С. 22 – 25.
3. Булаевский Б.А. К вопросу о понятии презумпций в праве // Журн. рос. права. 2012. N 3. С. 63 – 71.
4. Булаевский Б.А. Функции правовых презумпций // Журн. рос. права. 2011. N 3. С. 33 – 41.
5. Гаврилов Э.П. Правовая ответственность патентного поверенного // Патентный поверенный. 2013. N 1. С. 10 – 17.
6. Гатин А.М. Гражданское право. Учебное пособие. М.: Инфра-М, 2014. – 384с.
7. Годовалова М.Н. Понятие и значение презюмирования вины в гражданском праве. «Вестник Пермского Университета. Юридические науки», 2013, N 4.
8. Гражданское право. Под ред. Алексеева С.С. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: 2011. – 536 с.
9. Гражданское право. Учебник под ред. Рассолов М.М., Алексей П.В., Кузбагаров А.Н. М.: Знание, 2015. – 911с.
10. Груздев В.В. О проблеме гражданско-правовой вины. «Законы России: опыт, анализ, практика», 2014, N 10.
11. Коробов П.В. Виды освобождения от уголовной ответственности и принцип презумпции невиновности // Рос. юстиция. 2012. N 1. С. 37 – 40.
12. Кузнецова О.А. Принципы гражданского права: современное состояние вопроса // Власть закона. 2011. N 4(8). С. 87 – 95.
13. Пирвиц Э.Э. Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве. «Вестник гражданского права», 2010, N 6.
14. По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина: Постановление Конституционного Суда РФ от 6 дек. 2011 г. N 27-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 51. Ст. 7552.
15. Постановление ФАС Московского округа от 27.09.2010 N КГ-А40/7120-10 по делу N А40-104761/09-122-697 [Электронный ресурс]. Доступ из

справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Серова О.А., Писарев Г.А. Ограничения как элементы механизма гражданско-правового регулирования // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Право. 2012. N 1. С. 43 – 48.
17. Хромова Н.М. Принцип презумпции невиновности при особом порядке судебного разбирательства // Журн. рос. права. 2013. N 6. С. 107 – 115.